

АНАТОЛИЙ ШИНКИ

Фуфель

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДЕЛИКА

Анатолий Шинкин Фуфель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191842

ISBN 9785447450496

Аннотация

Закон джунглей – это и есть закон природы: следование законам выживания, оттачивающимся веками борьбы за место под солнцем. Пытавшихся быть добрыми быстро съедали... и съедают. Законы морали и нравственности противоречат законам природы, как заповедь «Ударили по левой щеке – подставь правую» противоречит здравому смыслу. В драке стараемся непременно отдать больше, чем сами получили, – альтруисты.

Содержание

Пролог	5
Жить стало смешнее	6
Косой и ко	9
Женские заботы	11
О насущном	13
Из истории Фуфлянии	15
Нескладуха	17
В мире идей	19
Завершение трудной ночи	21
Заботы «верхних»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Фуфель
Ностальгический деликатес
Анатолий Шинкин

© Анатолий Шинкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*«Век двадцатый стал поворотным в
истории Фуфлянии: сгорела последняя
в стране фабрика по производству ВСЕГО,
и хрен с ней!»*

Из Обращения Фигуранта к народу

Фуфляния – удивительная страна, расположенная-сдвинутая-забытая-спрятанная-заброшенная-затерянная-закинутая на фиг к Северу от Мира. Жители ее не выезжают «в Зарубеж», поскольку «ленивы и нелюбопытны» (А.Ф.Фушкин – Фуфлянское все) «А зачем куда-то ехать? – резонно спрашивают они. – Ежели мы сами себе заграница; да у нас у самих все за гранью здравого смысла!» Правительство поддерживает граждан в этом вопросе: «Настоящие патриоты сидят дома, а в Заграницу летают на бомбардировщике или едут на танке!»

Фуфляне гордятся обширностью своей страны и часто приводят бесконечный список государств, которые могли бы разместиться на ее территории, в ответ им неизменно советуют поискать дураков в другом месте. (Название страны «Фуфляния» этимологически восходит к латинскому «Фукус» – накося, выкуси)

Фуфляне не любят-не хотят-не требуют-не жаждут-не ищут-не надеются-не ждут, да, просто, боятся перемен, но так случилось – не по их вине – когда один век сменял другой, задело краем.

И начались перемены!

Жить стало смешнее

*Если из десяти девять заявят, что живут «по правде»,
восьмерым смело плюньте в глаза... девятому тоже; а с десятого
убогого...*

Народная мудрость

*Политики не могут не врать, поэтому они врут даже когда
не врут*

Тайны демократии

Мафуся – гладкотелая лахудра, с отвисшей грудью девятого размера, в замызганном халате и бигудях, ласково треснула сынишку Бузика – двоечника и разгильдяя – по затылку и приторным голосом – ей «по-приколу» захотелось побыть доброй и заботливой – промявкала:

– Бузик, если ты сделаешь уроки, самый большой арбуз пафа (Некоторые слова в тексте на Фуфлянском языке – для национального колорита) сегодня украдет для тебя.

Сынок скосился угрюмо и недовольно поморщился: он так привык видеть свою похожую на хмурую клушку маманю злой, неухоженной и противной, что от липко-сладкой доброты сразу насторожился, подозревая подвох: «Чо козе надо?»

Его буравящие глазенки ушли глубже под брови, а пальцы поджались к ладоням:

– Пусть попробует не украсть самый большой, – Бузик оттопырил губы, набычился и забубнил, – вот пусть попробует, я... – он пока не придумал, чем пригрозить: поджечь плакаты в школе – старо, взорвать карбид в сарае – было-перебыло, проколоть колесо машины – оригинально, да, жаль, у бати нет машины.

Различные варианты мести, если отец будет воровать зеленые и мелкие арбузы вместо больших и красных, тяжело проворачивались в его остриженной наголо «под Крутого» (Местный фомпозитор), очень неряшливо скроенной голове дебила и недоноска.

– Я вашу дуру, тетю Кутю, раскрашу, как Чингачгук черепаху Подфартилу (Сказочный персонаж), когда она тут обколотая валяться будет.

– Прикольно! Достойный сын! – хриплым с непреходящего похмелья голосом прогудел от телевизора многодневно небритый, чрезвычайно запущенный пафаня – бывший финтеллигент из финженеров. – Только я скажу, как порядочный человек, баб – вообще женщин – надо наказывать не так, а надо...

– Научи, научи, придурок мой ласковый! – голос Мафуси сорвался на визг, но сразу и притух. – Сам забыл, как наказывать, а туда же, куда и рак с клешней.

– Убойно! Эй! Я хотел сказать, надо невниманием наказывать. А ты о чем?

– И я о том. Всю перестройку наказанная хожу, невнимательный ты мой. Давай-ка, поторопись, скоро Косой подьедет. Грузите там побольше. Что не продадим, сами съедим, – она перевела глаза на сына и проворковала. – Бузик, смотри в тетрадку, непутевенький. Будешь хорошо учиться, попрошу Косого, чтобы ролики тебе свистнул. – И, предупреждая радость сына, выписала ему увесистую плюху, в порядке профилактики, чтобы счастье ненапроком не перехлестнуло через край.

Упрямый мальчишка метнул исподлобья злой взгляд и повернулся к отцу:

– Пап, наша классная мымра сегодня прошамкала-прогавкала-протявкала-пробулькала-просипела, – та еще сука!, будто от обезьян произошли фегры и заняли теплую Фабрику, а от фегров – мы, и заняли, что никто не брал.

– Захватывающе! Молодая она – не в курсе. Не произошли мы, сынуля. Так и не произошли!

– Были феграми, ими и сдохнем! – поддержала Мафуся.

Ковыляя, как перекормленная утка, она вывалилась на веранду, чтобы скурить заныканный от мужа косячок и самолично встретить Косого, который умел быть приятным, не упуская возможности ласково потискать хозяйку с разной степенью плотности, в зависимости от обстановки и наличия времени:

– Вот здесь особенно мягко! О-о-о!

У ворот зашумел и остановился хлебный фургон, и женщина задышала в такт работающему мотору. Здоровенный детина – водила с пищекомбината – распахнул дверь, нежно облапил за талию, колыхнул титьку, проехал рукой по животу и ниже, отчего Мафуся закудахтала, держа охнарик на отлете и прогибаясь, а Косой торопливо шепнул несколько слов, прошел в дом, поздоровался с хозяином и протянул руку Бузику:

– Здорово, Беззубый!

– Здорово, С зубами!

Мальчишка всегда так отвечал; не от природного остроумия, а Косой научил: надоело на бодрое приветствие слушать невнятное бормотание. Потратил два вечера, и парень теперь общается, как разумный человек. Приятно!

– Дядь Косой, а вы только арбузы будете брать?

– Ха! Вирус! А ты б чего хотел?

– Может в других вагонах путевое-вкусное-сладкое-жирное-красивое-эксклюзивное везут? – Бузику нельзя было отказать в сообразительности.

Косой переглянулся с хозяином и усмехнулся несколько натянуто, а рука машинально скользнула в карман – проверить, на месте ли «пушка». Днями они загрузились сахарком и решили прошвырнуться по составу. Сорвали фломбу с пульмана, размотали закрутку, привычно откатали дверь и увидели полосатую, очень большую морду Фигра, с белыми клыками и горящими глазами: «Ну, вот и все, ребята!»

Один бог ведает, какому безнадежному придурку пришла в пустую башку безобразная идея перевозить опасную зверюгу в опечатанном вагоне. (В Фуфлянии прецедент перевозки зверей в офломбированном вагоне имел место несколько десятилетий назад. Тогда это привело страну к печальным последствиям).

Хрусть, Бузькин пафаня, сплоховал: вместо того, чтобы двинуть дверь обратно, пока не очухалась бестия, бросился бежать. Фигр спрыгнул на насыпь. Пришлось «делать ноги». Мчались, аж искры из глаз, когда на деревья натыкались.

Машину только под утро смогли забрать. Вот уже третьи сутки пошли. Про Фигра пока не слышно, а страх сосет.

– Пошарим, крестник. Хрусть, ты собираешься?

– Стопудово! Новости досмотрим.

На экране распинался депуфат. Только телевизор, с виду обычный Фанфунг, начинку имел далеко не ординарную. Стоил он миллион ваксов (Фамериканская валюта) и был закуплен тайно у восточных соседей оффозиционерами в единственном экземпляре для обеспечения победы на фигурантских выборах.

Чтобы провезти крайне секретный прибор через вороватую Фуфлянию, коммерческие агенты замаскировали финостранный технику чуть ли не под кучу конского навоза, но отечественные жулики, проявив необыкновенную проницательность, это дерьмо раскопали, и Фанфунг благополучно поселился в доме Хрустя с напутствием от Косого:

– Если снова начнешь в телевизоре бутылки и сало прятать, лучше сразу вешайся.

У машинки оказался пунктик: хитрозадые и желтолицые фанонцы соединили телевизор с дефектором лжи. Человек на экране мог врать все, что его душе угодно – подстрочник аккуратно и точно выдавал в бегущей строке его мысли: «А на самом деле я думаю:...»

Иногда получалось смешно, иногда грустно, а, коли показывали выступление Фигуранта Фигулянии, то и за «державу обидно», так как подстрочник тащил бесконечное: «Ну-у-уююю», – при том, что Фигурант бывал красноречив и убедителен весьма. Либо говорил с чужого голоса, либо умело свои мысли скрывал – змей-подлюга-изверг-гад-упырь-паскуда-козел-фигурант, его мать.

Осекалась фанонская машинка и на юмористических концертах, отсвечивая все сатирические изыски, юмористические слоганы, забавные анекдоты, парадоксальные сентенции и веселые разоблачения единственной фразой: «Сам дурак!». Очевидно, не дотянули фанонцы до фуфлянского юмора, но, надо отдать должное, телевизор быстро учился, и его шуточки в рекламных паузах уже почти достигали пояса:

– Хотите поднять страну? А штаны не упадут?!

Хрусть развлекался, слушая речи фандидатов в депуфаты и считывая подстрочник, содержание которого, сплошь и рядом, от речей претендентов отличалось кардинально-капитально-существенно-как небо от земли.

Вождь Партии Любителей Народа господин Фузанский говорил, как стрелял:

– Спасение Страны близко! Наш, а теперь и ваш Фигр мчится в Столицу. Он покончит с воровством! Он символ нашей Партии!... «А на самом деле я хочу сказать: «Всех переवेशать! Столбов хватит! Я вам покажу! Чмо болотное – жабы недодавленные – тритоны низкорослые-парнокопытные удавы», – четким шрифтом пробежали слова внизу экрана.

Сменилась картинка, и затряс тремя подбородками фандидат от объединения «Груша»:

– Господа, фолитическое руководство во главе с Фигурантом Фузяковым не имфотентно. Думает не о народе, а о ваксах. На народ плевать с высокой колокольни Фейфелевой башни. Меркантилисты! Да, бог создал мир непутевым и человека сварганил кое-как, и эти неудачные творения вечно пытаются переделать друг друга, а мы нашли панацею (Лекарство от всего) для отдельно взятой страны (Прецедент «отдельно взятой страны» также имел место в истории Фуфлянии: группа товарищей имела всю страну, впрочем, мало что изменилось и в настоящее время). Мы измыслили, как привести мир к гармонии, а человека к счастью. Наша программа – это не бредни Фузанского о некоем спасительном сумчатом Фигре, которого подсунули фанонцы, легко догадаться с какой целью.

Подстрочник бесстрастно отстукивал: «А на самом деле я думаю: «Зря я вчера нажрался-надрался-напился-нарезался-накушался-уелся-дорвался до халявы.

– Фуфляне с нами будут свободны! Говорить, что хотят. Есть, что есть. Делать, что умеют. Иметь, кого имеют! – оратор оттянул нижнюю губу вправо и вниз, и мгновение казался страшным, как будто даже мелькнул клык упыря, а голос наполнился медом:

– Мы вывели формулу успеха, и объявим ее всем, когда победим!

Подстрочник совсем сбесился: «Должны они запас держать! Пусть наливают. Двадцать минут распинаюсь, как проклятый. Никакая психика не выдержит. Пидары! На них ишачишь, ... в рот! ...!

Мужики заржали:

– Отпадно! Старый пенек даже думает матом.

– Всю жизнь перед народом идет. Насобачился. – Смеясь, отправились к машине.

Косой и ко

*Все больше народу старается идти к благополучию отдельно
от Родины
Рыночное мышление*

Косой – мужик, до жути везучий. Еще пацаном тонул – вытащили, а у него будильник почти новый в руках – на дне нашел. Подрос – в лотерею имфортную овощерезку выиграл и сменял на финомарку фирмы Зафорожец.

Бывший хозяин давно мечтал избавиться от «прожорливой скотины», да прогадал: овощерезка всю деревню без электричества оставила, на ближайшей ГЭС перегорели пробки, а в Столице погасла «лампочка Ильича» (Вранье – она и не горела никогда). Бедолага десятый год платит по счетчику, а Косой барином на Зафорожце девок катает:

– Налетай, красивые! Лучшее соотношение цены и качества!

Дальше, еще лучше пошло: женился на красавице Лусе, а у той сестра-близняшка Маса. Косой путает их через день, и алиби железное: «А черт их разберет!» Всю перестройку-переломку Фигулянскую, сучок (оторва, стервец, пройда, и как им не восхищаться?), проездил на хлебовозке и не узнал ни безработицы, ни беззарплатицы, как другие—прочие: безрукие-бездарные-неумелые-пентюхи индеферентные.

Всегда имел и на пузырек, и на мясо. А в новых экономических условиях и вовсе решил стать уважаемым человеком, и наворовать, если не до дефутатского мандата, то хотя бы до чиновника среднего звена:

– Если можно им, значит можно всем!

Но эти публично объявляемые планы являли собой только верхушку айсберга, была у них и латентная (Скрытая от завидующих глаз) часть. Лелеял в душе Косой честолюбивое, жгучее желание продать Фодину, и не мелкими кусочками, как эти фолитархи, которых развелось за последнее время больше, чем собак нерезанных-пальцев на руках-зубов во рту-соплей в носу-желудей в дубовой роще-селитерных карасей в испорченном пруду, а сразу и всю – фоптом, за хорошие бабки:

– Плюну тогда на все, и в баню с девушками или рыбалкой займусь.

Голова кружилась, когда представлял, как его по телевизору покажут, как будут завидовать соседи в родном Бандажном переулке, как будет заискивать механик с пищекомбината – ходок, пьяница, сукин сын и оторва – главный соперник Косого в амурных делах, интимных посиделках, вкусных историях, сладких начинаниях, ходках по девкам.

Косой не только мечтал. Он напряженно работал в нужном направлении. Месяцев несколько тому выпивал с одним столичным финтеллигентом, погоняло Диссидент, и тот пообещал замолвить словечко в ФРУ (Фуфельное Разведывательное Управление. Фамерика)

– Косой, шпиены разных стран должны сотрудничать, что многократно увеличит вред, ими наносимый. Налил? Давай, за успех! Устрою тебе рандеву с финостранным обученным шпионом. Морда, бицепсы, весь черный, – такие воще одним взглядом убивают. У меня там все схвачено. Я велю, они прыгают! Сморкаюсь, подтирают. Пукну, нюхают! – и не обманул, ведь, зараза.

Днями в Загребайске объявились двое фегров – стопудово фамериканские шпионы для рандеву (Запланированная встреча). Сыскать их он поручил Мафусе, а сам пока жил настоящим, возглавляя бригаду вагонных воров. С подельников доли за машину не требовал, держался в равном пае, а имел право спросить и за бензин, и за транспорт – щедрый парень, потому и везучий.

Третьим они с Хрустом Вуса взяли. Тот при кафонистом директором школы был: энергичный, напористый, увлекающийся, знающий – жуть, почти энциклопедист, на трех языках, как из ружья. За это и прогнали из Наробраза, чтоб не умничал.

Ничего... – поголодал, подумал да и вплыл, как Нетте – пароход и человек, в рыночную экономику. Вагоны так курочит, едва колеса не отлетают. Очень устремленный мужик. Не зря ему старая власть воспитание детей доверяла. Косой прочил Вусу большое будущее в бизнесе:

– Деловой человек должен быть упертым, собранным и в меру жадным!

Из вагонов, естественно, стремились выгрести все, если там не побывал кто-то на предыдущей станции. Валили в кузов, что можно продать, в доме поставить, съесть. На крайняк, просто, поднять и унести: «Авось, пригодиться». Главное, не возвращаться пустыми. В начале сентября основной упор делали на арбузы:

– Арбузы – это не только много клетчатки и пять литров воды, это, прежде всего, ходкий товар и почти живые деньги.

Кто загружал и отправлял вагоны в стране, где семьдесят процентов населения жили воровством, а остальные не жили вовсе, совершенно непонятно. Видимо, находились смельчаки, которым закон не писан, или поворовывали в Ближнем Зарубежье (Бывшие земляки, почти братья, отрезанные от Фигулянии ломти).

Женские заботы

*Женщины мыслят несколько «приземленное»
влюбленных в них поэтов.*

В мире открытий

*Жизнь – последовательное расстройство изначально здоровой
психики*
Банальность

Едва скрылись за углом габаритные огни хлебовозки, юркнула в ворота и торопливо пошла к дому плотно-фигуристая дамочка с глупо-кукольным личиком – «лепшая» подруга хозяйки Кутя. В отличие от Мафуси, на которой тяжким бременем висели сын-балбес, муж-пьяница и синдром вечной сексуальной неудовлетворенности, Кутя была свободна, как ветер над морем-как муха в полете-как бомж в подъезде-как рыба в пруду-как дурак на свадьбе.

Ее жизнь сложилась так удачно, что она смолоду не работала ни дня, ни часа, слегка подторговывая самофоном и собственным передком или подворовывая, и в новые рыночные отношения вошла просто и естественно, как щука в воду, как суслик в нору, как Сизиф в гору, как маньяк в лифт.

– Если страна не идет к рынку, рынок сам идет к стране! (Даже не знаю, как относиться к этому изречению.

В свои неполные сорок Кутя продолжала одеваться, как выучилась в пятнадцать, призывно-развязанно: пуговицы на ядовито-зеленой кофточке едва не отлетали от давления мощной груди и постоянно расстегивались, позволяя хозяйке кокетливо застегнуть или вовсе забыть о них, судя по обстоятельствам. Задорную попу обтягивала мини-юбка, с постоянно разъезжающейся молнией впереди, что являло глазу жирные, слегка желтоватые ляжки.

Она влетела в комнату ярким бело-черно-рыжим метеором, и Бузик моментально забыл об уроках. Водил для вида по бумаге ручкой и косил исподтишка глазом в разрез Кутиной юбки.

– Мафуся, что мне рассказали! Сейчас со смеху упадешь, – она торопливо вываливала из сумки сигареты, бутылку самофона, зажигалку. – Наши профуры Фуся с Кусей опять отличились. Сняли двух черных с тачкой и порулили на природу. Есть у них заветное местечко, они туда уже половину городских мужиков перевозили. Ты не представляешь, как это интересно у них вчера получилось...

– Черных? – сразу насторожилась Мафуся, – В смысле фегров? Бузька, займись уроками, – она незаметно поднесла палец к губам и кивнула на сына.

– Ладно. Потом расскажу. Давай, подруга, накатим. Трубы горят, – Кутя живо набулькала в стаканы. – Представь, Фуська каждый день мясо ест: сынишка-кормилец все курятники у соседей вычистил.

– А мой бездельником растет: ни учиться, ни работать. Просто, жуткий инфантилизм. Когда и добудет что – себе на травку. Весь в пафаню, – Мафуся завистливо вздохнула, выпила и потянулась к сигаретам.

– У людей дети, как дети: в свободное время воровать учатся, курсы карманников посещают, в секции киллеров занимаются, девчонки в факультативах на проституток тренируются. Соседский мальчишка – Катала Года. Позавидуешь, блин! Хотели пенька в кружок рекетиров записать, но автомат надо свой приносить, а тут еще голова неадекватная: непонятно, в какую сторону мальчишка стрелять начнет. Бузька, давай на улицу. Не френа тут бабьи сплетни слушать. Нелепый мой!

Мальчишка, недовольно сопя и пряча в горсти самокрутку, бочком двинулся к дверям. Кутька, сглаживая неловкость, потянулась потрепать Бузика по голове, а он, как-то хитро извернувшись, мгновенно прижался к ней всем телом:

– Сиську покажи пощупать, – шепнул едва слышно и руку протянул.

Хорошо, у Кутьки инстинкты отлично развиты: такую затрепину выписала, что мальчишка к порогу кубарем покатился:

– Кобель начинающий! От горшка два вершка, а железо кует, только карманы держи, не отходя от кассы в супермаркете, – удивилась Кутька. – А вдруг талант?

– Хотя бы чужие карманы, а то мои да отцовы, – пожаловалась Мафуся.

– Да, не психуй, – Кутю распирала новость. – Девки вечером прикатили ко мне на зеленом Фигуле. Фуська в одной майке, Куська в юбке без верха; черные вообще – один в штанах без трусов, другой в трусах без штанов. Представляешь!? «Дай, – говорят, – что-нибудь одеть». На природе мудистов (Термин «нудизм» фигулянская грамматика не приемлет, а с буквой «м» слово мгновенно обретает семантическое наполнение, смысл и выразительность) изображали, а из кустов, не поверишь, Фигр!

– Врешь не краснея!

– зуб даю с напылением! Может, из цирка сбежал. Там теперь зверей не кормят, вот и подался на вольные хлеба насчет похавать до получки.

– А они?

– Они к машине. Схватили, что успели из барахла.

– Дождались бы, пока уйдет.

– Ждали, – Кутя засмеялась. – Только Фигр не дурак, сожрал закуску и спать улегся. Посидели любовнички в машине, как полярники на льдине, как астронавты на Луне, как мишки в лесу, как торговки на базаре, как бородавки на носу, и двинулись ко мне. Кое-как их одела. У твоего штанов дырявеньких не найдется лишних?

– Так они у тебя? – глазенки Мафуси загорелись, а руки задвигались сами собой. – И ты молчишь скрытно!? Подруга называется.

– Не суетись. Не убегут без штанов.

Мафуся торопливо переодевалась:

– От нас и в штанах не сбежишь. Но, сказать правду, мужики, без лишних украшений, лучше выглядят: сексуальнее как бы, – она засмеялась. – Да, эти черные и впрямь звери в постели отчаянные?

– Они и на вид полные граблины (Фуфлянские гоблины), хотя в кровати извиваются, как гоблины (см. граблины).

Не прошло и пяти минут, а подруги уже выходили из калитки. Сидевший на лавочке Бузик торопливо прыкнул недокуренный косячок.

– Бузька, немедленно домой и учи уроки. Бездельник ненаглядный! – Мафуся неопределенно махнула рукой. – Да смотри, фетарды не поджигай. Задолбал, скоро весь дом взорвет, – пожаловалась на ходу. – Феррорист хренов.

Кутя, торопливо шагая, сочувственно покивала:

– Жуткая, беспредельная безнравственность. Мы такими отпетыми не были.

О насущном

*Катимся к капитализму... нам говорят: в гору
Сплетни и домыслы*

*Кризис, разруха, импотенция – все в головах.
Иногда кажется, голова – это вместительница всякого дерьма.*

Мимоходом

Косой и Хрусть проехали по Гасконской (см. Три Пушкотера) и свернули на Зубаевскую, где их уже поджидал Вус, в аккуратно застегнутой драной и замызганной куфайке – считал ее талисманом и всегда одевал «на дело». Вус влез в кабину, бесцеремонно подвинув Хрустя, унюхал запах самофона и возмутился:

– Кончай, твою мать, пить! Лучших людей, Хрусть, прекрасные коллективы и замечательнейшие из начинаний стубила пагубная страсть к алкоголю, наркотикам и женщинам нетяжелого поведения. Однозначно!

– Круто про баб загибаешь, – заржал Косой, а Хрусть, уловив издевку, ляпнул почти афоризм:

– Глупо и нахально! А рога – это не слабость мужа, это паскудство жены или переизбыток кальция в организме.

– Ну... – растерялся Косой. – Уважаю. Да, слышь, а если к Фанфунгу присобачить видак и включить порнуху. Интересно, что они там думают, когда двойной тягой?

Вус болезненно сморщился:

– Грязная мыслишка, председатель. Нельзя же настолько не уважать женщин.

Возникла неловкая пауза. Машина пылила по проселку к разъезду – обычному месту работы бригады. Темнота, разрываемая светом фар, смыкалась около задних колес и не давала ничего рассмотреть по обочинам дороги. Косой уверенно крутил баранку, а Вуса, похоже, заклинило на пьянстве:

– Пора, ребята, с выпивками завязывать. А кто не может, предлагаю ввести ФТУ для шибко (Просторечие. Вус употребил для шутки юмора) финтеллигентных.

Косой ошарашенно уставился на Вуса, и машину жутко трянуло.

– Хреново! На дорогу смотри! – заорал стукнувшийся о потолок кабины Хрусть и внезапно потеплевшим голосом протянул. – Фоэффицент трудового участия. Когда это было?!

Он притих, вспоминая блаженные времена, когда государство делало вид, что платит за работу, а народ, соответственно, делал вид, что работает. В целом, тогда жилось неплохо, если бы не субботники в поддержку Мира и митинги в защиту никому не нужных фегров, которые, в свою очередь, и не подозревали о существовании Фуфлянии.

– Заманчиво! А как ты себе этот ФТУ представляешь? Больничные будем выписывать или отгулы давать?

Но сбить Вуса было невозможно. Продумал человек свою мысль и решил отстаивать до конца:

– Вышел на работу пьяным – треть пая снимается в пользу других. Однозначно! Пора понять, что мы превращаемся в солидную фирму.

– Выходим на международный уровень, – снасмешничал Косой, намекая на кражу Фанфунга.

– Остроумно! – отрезал Вус. – Сбытом, кто занимается? Жены. На общественных, если можно так выразиться, началах, что порождает незаинтересованность в, грубо говоря, конечных результатах труда.

– И ведет к снижению его же производительности, – Косого просто разбирал смех, а Вуса несло:

– Платить надо за работу, а за неработу – не платить. Однозначно!

Косой и Хрусть потянулись за сигаретами. «Паскудство! Так они от меня и вовсе отделеаются», – пригорюнился Хрусть. Он не обманывался на свой счет, так как, работая при кафонистах финженером, руками ничего делать не научился да еще за воротник закладывал. Задумался и Косой: «Конечно, дело стоящее. Машину, пусть чужую, я даю. Бензин, хотя ворованный, а мой, и получаю, как все. С другой стороны...»

– Перессоримся. Призывы к революции начнутся. А если не введем?

– А если не введем, – подхватил Вус. – Получится, как с фирмой, работавшей с знаменитыми ФКУ (Фуфлянские Конкретные Обязательства – ценные бумаги). Однозначно! – Вус помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил странно глуховатым голосом:

Из истории Фуфлянии

История печальная наука: о ком ни заговори, все умерли
Исторический факт

Истории, случающиеся с государственными людьми: выпил лишку, подрался прилюдно или оказался несостоятельным в постели, подерижировал оркестром, отдыхал в Завидово, работал с документами, упал с моста, – становятся частью истории государства, – Вус по учительской привычке – слушают ли – оглянулся на товарищей и продолжил:

В эпоху ФНК (Фервоначалное Накопление Капитала), когда первый Фигурант Фуфлянии господин Фугайло не только сам воровал, но и с пониманием относился к народу, не мешая другим предаваться этому увлекательному, а порой и прибыльному занятию; когда финансовые пирамиды вскакивали и размножались по всей стране, как грибы после теплого и обильного осеннего дождика, и множество предприимчивых ребят под обещание заоблачных процентов, суливших быстрое обогащение, или товаров, которые тогда были в дефиците, или квартир, которые в дефиците были всегда, собирали в свои карманы громадные деньги, а потом благополучно для себя исчезали в неизвестном направлении; в спальне почти обычной, слегка навороченной по февростандарту восьмикомнатной квартиры, стянул с себя влажную от пота простыню и сел в постели Фигурант Правительства Народного Доверия господин Фугайло.

В попытке разлепить глаза он помотал головой и, начиная обретать равновесие, отправился в душ выполоскать накопившуюся после вчерашней презентации неизвестно чего во рту гадость, мерзость, вязкость и сухость, и отлить по застарелой народной традиции, куда угодно, кроме унитаза (Фигурант был родом из народа, кровинка, частичка, свой, от сохи, плоть от плоти, яблоко от яблони, то еще сокровище).

Он взялся за ручку красного дерева, но остановился, услышав плеск и шум воды,

– Что за дерьмо? – удивился Фугайло. Вернулся к кровати, отыскал и надел трусы и пнул кнопку вызова охраны.

Из воздуха возник похожий на шкаф детина с портативным автоматом, оборудованным по заграничной моде крутыми прибабасами: двумя подствольными гранатометами, глушителем, пламегасителем, отдачеулавливателем, гильзосборником и выкидным самурайским мечом.

– Кто там? – Фигурант кивнул на душ.

– Ваша идея, шеф.

– Точнее.

– Вы вчера сказали, что нашли великолепную идею. И показали на нее, вернее, на ее сиськи.

– Ты не удивился?

– Не положено.

– Это правильно. Отдыхай пока.

Охранник испарился.

– Идея!... Твою налево! На френ бы идеи были нужны, если бы денег куры не клевали! – на виске Фугайлы запульсировала жилка, а голову пронзила острая боль: начинало догонять похмелье. Почти автоматически он проглотил синюю таблетку, запил ффоньяком и распахнул дверь.

«Идея» была хороша: не худая, не толстая, не коротконожка. «И не скромница». – Отметил Фигурант, когда девица издала мурлыкающий звук, бросила зазывающий взгляд, сделала

приглашающий жест и обратилась с нескромным предложением, на которое Фигурант сразу согласился. Часы показывали девять утра.

Нескладуха

*Множество фатальных событий происходит в единицу времени,
и только удача иногда мешает стать участником*
Жизненное наблюдение

– Стоп! – Косой свернул к лесополосе и остановил машину. – Доскажешь потом, сначала работа. – Все подтянулись, напряглись. – Хрусть, проверь.

Хрусть сжался, потом задвигался беспокойно:

– Фигово! Слышь, ребята, а... если он тут?

– Кто он? – спросил Косой, а Вус промолчал, и Хрусть понял – все об одном думают: «Не ново! И согласны мной пожертвовать...»

– Славно! Кто, кто? Фигр в кожаном пальто. Френ с ним! – Хрусть выпрыгнул из кабины и двинулся к рельсам. Пока пробирался через кусты, глаза привыкли к темноте, немного успокоился.

Разглядел состав на путях и пошел вдоль полотна, присматриваясь к вагонам. Впереди перед тепловозом ярко маячил красный семафор. Похоже, тут было, чем поживиться. Хрусть поспешил назад.

– Удачно! Есть красный, – он встал у просеки, чтобы Косой, ориентируясь на него, сдал машину задом к поезду. Вус, ловко орудуя фомкой, вскрывал на вагонах люк за люком.

– Принимайте!

Косой ловко подхватил брошенный арбуз, второй и начал складывать у ног полосатую горку. Хрусть потащил к машине первую пару. Он шел быстрым шагом и посмеивался над Вусом: «Офигенно! Пришло в ученую башку назвать арбуз ягодой». Каждая из «ягод» в его руках тянула килограммов на восемь, за них не стыдно будет перед Бузиком.

Он вкатил арбузы в фургон и замер, почувствовав на шее теплое дыхание. Дальше все произошло одновременно: Хрусть втянул голову в плечи, попятился, захлопнул и запер дверь на задвижку. «Странно! Я становлюсь мужественным», – отметил машинально и, пошатываясь, пошел к вагону:

– Отбойно! Косой! Вус, слезай. Зверюга в фургоне.

– Чего болтаешь? Шутник-арлекин-фигляр-клоун-юморист френов! – Косой замахнулся и опустил руку. – Черт! Как он там оказался? Вус. Кати сюда.

Вместе подошли к машине. Хрусть, нервничая, пытался закурить. В кузове покатился и мягко ударил о борт арбуз. Послышалось ворчание.

– И что делать? – в пустоту спросил Косой. Никто не отозвался. Он ответил сам. – Домой пора. Утро вечера, ... сами знаете.

– Надо хоть в кабину арбузов накатать, – расстроился Вус. – Чертовы дерьмократы. Мало им в Столице зверья и дряни.

В полном молчании отъехали километр и остановились. Ситуация складывалась абсурдная: среди ночи, в поле, с Фигром в кузове.

– В город нельзя: там его деть некуда, а утром надо хлеб загружать.

– Проблемно! Открыть дверь и ехать. Выпрыгнет?

– До кабины добежать не успеешь.

– Решаемо! У свояка ружье. Один открывает, другой бац.

– Штаны свояк стирать будет?

– Западло! Слушай, а это точно Фигр? И сегодня по телевизору трепали про Фигра – Символ Партии Любителей Народа – вдруг он?

– Иди. Присмотрись невооруженным глазом. Так сказать: «Визуально».

Подельники еще побродили вокруг фургона. Косой достал бутылку самофона, стакан и арбуз:

– Придвигайтесь к столу. Хотелось бы больше конструктива, как говорит наш уважаемый профессор Вус, а пока досказывай про ФКУ.

– ФКО, – Вус опрокинул стаканчик, откусил арбуза и продолжил по учительской привычке с того места, где остановился:

В мире идей

Идея – неостановимый снаряд: выполнив задачу, продолжает нестись вперед и сносит-срубает цели, которые уничтожить изначально не планировалось

Наблюдая жизнь

Всегда смотрел с целью иметь.

Бескорыстно наблюдать сложнее

Мимоходом

Девушка сделала приглашающий жест. Часы показывали девять утра. Синяя таблетка уже начала действовать, и Фигурант без мысли отдался оздоравливающему влиянию орального секса, а когда за дело (Это «дело» и привело Фигуранта на вершину власти в стране) взялась двумя руками девушка, закурил и задумался:

– Звать-то тебя? Хм. Примем, как рабочее – Идея, – он сверху вниз глянул на девушку и повторил слова анекдота. – Бдыщик не бдыщик, бдодинка не бдодинка, бдуть пирамидкой. Вот оно! Давай заканчивай и выметайся, меня Родинка ждет.

Его дернул слабенький оргазм, и Фигурант влез под душ, освободив место легким пинком. Теперь он принадлежал работе. Фугайло ценил в себе умение быстро восстанавливаться, и уже через полчаса ничто в нем не напоминало о вчерашнем бурном, мягко говоря, вечере.

Он вошел в свой кабинет подтянутым, строгим, энергичным, каким привыкла его видеть по телевизору вся Фуфляния. Фигурант взглядом остановил начавшего доклад референта и обронил только одно слово:

– Фуборского! – сел в кресло, а Фуборский уже подбегал на задних лапках, сжимая передними синюю тетрадь (Синяя тетрадь – культовая вещица из Спецхрана. Ходят слухи, что писать ее начал сам Фенин).

– Пирамида? – Фугайло спросил, как выстрелил, а Фуборский в очередной раз пожалел, что за все свои миллиарды не сможет поменяться с ним внешностью. «К моим бы мозгам... К моим бы деньгам... Был бы Звезда. Нет в мире совершенства», – с горечью подумал он, раскладывая большой ватманский лист.

– Все очень просто, господин Фигурант. Мы делаем обычную пирамиду, но в качестве Лохов берем не полунищих земляков, а целые Страны и самые солидные банки. Они покупают наши бумаги, назовем их ФКО – Фуфлянские Конкретные Обязательства – под обещание больших..., нет, огромных процентов, и проценты, кстати, тоже платим облигациями. Брать будут, поскольку гарантом выступает государство, а оно неисчерпаемо, точнее, на наш век хватит. Всей рутинной займется одна из новых фирм. Поверьте, у меня есть спецы...

– Те прежние пирамиды, надо полагать, твоих рук...

– Я этого не говорил. Я найду спецов. Уровень доходов на десятки, сотни, тысячи порядков выше.

– Миллиарды?

– Триллионы.

– А куда потом бежать?

– Бог с вами! Господин Фигурант! Бежать с триллионами?! Вы будете сами себе государство. Где вы, там и государство.

– Мать твою! Офренеть! Действуй. Стой. Я в стране не один и даже не вдвоем с тобой. А, зная патологическую жадность некоторых господ, включая присутствующих, хотел бы предупредить...

– Господин Фигурант, с Вашим умом...

– Ум здесь не при чем, а отстегивать придется. Платить будешь всем, от кого хоть что-то зависит, и снизу, и сверху. Да. Триллионы – фублей?

– Ваксов.

– Тем более. Материальную заинтересованность даже кафонисты отменить не смогли, а не нам чета.

«Фигуранта купить можно, а его внешность нельзя, – испаряясь, переживал Фуборский. – А с чем, кстати, рифмуется „Звезда“? Обидно, черт побери».

Завершение трудной ночи

Отношения учителя и ученика всегда ущербны, по понятному стремлению последнего однажды перерасти учителя
Банальная сентенция

Жизнь безгрешной не бывает, а если бывает, то не жизнь
Мимоходом

Вус потянулся за бутылкой и налил полстакана. Хрусть и Косой, сбросив оцепенение, начали закуривать.

– Атасно! А дальше-то что? – Хрусть даже заерзал от нетерпения.

Косой недоверчиво рассмеялся:

– Складно сочиняешь, директор. А что хорошего в ваксах?

– Ваксы, считай, международная валюта, с ними везде принимают. Фамериканцы – это их деньги – придумали на купюрах портреты обезьян рисовать, которые там водятся. Приматов там немерено, и поэтому Фамерика – богатейшая в мире страна, – Вус отложил арбуз и продолжал. – Один вакс – портрет гориллы, червонец – шимпанзе, четвертной – орангутанг, полтинник – макака, стольник – павиан. Фамериканцы теперь хвастают, что обезьяна стала человеком, когда ее сфотографировали на вакс. (Пропагандистское вранье. Учение Дарфина убедительно опровергает это утверждение) И оплачиваются ваксы золотом.

– Ну, ты заливаешь! – Косой посмотрел на часы. – Еще по стопарику, и пора о Фигре позаботиться. Чем, ты говоришь, у Фубайлы закончилось?

– Я еще не сказал, и у Фубайло ничего не закончилось. Кончились деньги у многих банков и терпение у всех, повязанных в деле. Надоело им, что крутые бабки мимо хари пролетают, а в рот не попадают. Пожадничал Фуборский и настоятельной рекомендации «делиться со всеми» не выполнил. Конечно, удрать они успели. В наши края, кстати. По миру не пошли и, будь спокоен, не пойдут — денежки с собой прихватили.

– В тюрьму в Фуфлянии людей с деньгами не сажают, но власть сменилась: Фигурантом теперь Фузяков, вождем в Партии Любителей Народа Фузанский, налаженное предприятие развалилось, а национальный валовый продукт потек в другие карманы. Мораль: доходы нужно делить по труду, потому что подсадить может даже самый мелкий винтик. Однозначно!

– Предвзято! На меня намекаешь? – обиделся Хрусть. – А я как порядочный человек..

– Порядочный, но недалекий. Себе платим. А мы не в пустоте. И уже настряли в зубах коллег на следующей станции, которым в вагонах остаются только обломки тары. Вдруг они сильнее, и тогда наши неприятности могут возрасти быстро и многократно. Крыша, ребята, нужна, и побыстрее.

– Начал про одно, закончил про другое. Тебе дай волю – электрофомку и механические отмычки для работы потребуешь. Есть проблема поближе – зверюга в вагоне, а у нас конь не валялся. Предлагайте.

– Заметано! Пойдем, еще послушаем, – осмелел Хрусть. – Дверь крепкая.

Ступая, как по битому стеклу, подельники гурьбой прокрались вокруг машины. Подобрались и замерли: доносился негромкий, но отчетливый храп. Косой отмахнул рукой, показывая друзьям встать в стороне, и потянулся к задвижке. Вус невольно двинулся вперед и схватил Косого за рукав:

– Порвет и имени не спросит.

Косой, передернув плечом, сбросил руку и нежно, без скрипа, отодвинул засов, Начал открывать дверь, готовый мгновенно захлопнуть ее и навалиться всем телом. Хрусть оробел и почувствовал на ноге предательскую, горячую струйку.

Едва свет проник в фургон, Косой матюгнулся и распахнул дверь во всю ширину:

– Хрусть!.. Козел!.. Твою мать!... – слов не хватало, а руки были заняты: ни леща выпить, ни в зубы дать. Так и стоял, злился, пока не захохотал.

В углу будки, в обнимку с двумя арбузами, положив голову на небольшой кейс, спал парень лет двадцати пяти. От шума он проснулся, насмешливо оглядел компанию и по-кошачьи мягко прыгнул на землю. С удивлением Вус узнал в нем выпускника своей школы.

– Вус, привет! Не узнаете? Подбросьте до города.

– Узнаю. Конечно, узнаю. Такого парня не узнать! Вазик. Сколько кровушки моей выпито, – расчувствовался Вус, умиляясь, как свойственно учителям при встрече с бывшими трудновоспитуемыми.

– Вазик, – представил он парня подельникам. – Мой ученик. Он же племянник Побабыча. Как ты здесь оказался?

– История бесконечно долгая и невероятно запутанная, – Вазик построжал, нахмурился, и чутьем, наработанным за годы перестройки, мужики враз ощутили, что перед ними человек значительный, достойный и опасный: другого, очень высокого полета птица, спрашивать которого себе дороже: захочет – сам скажет. – Мы едем или как?

Хрусть вновь оробел, засучил ногами и, скрывая дрожь, предложил ни к селу ни к городу:

– Интересно! А выпить, закусить? Как порядочный человек...

– Я сегодня уже закурил, – Вазик усмехнулся недобрим долгим смешком. – К твоему, заметь, счастью. Давай в кузов, Брат по разуму, и едем. Нечего воду варить.

– Смешно! Я в кузов? А Фигр?

Бестактный вопрос Хрустя повис в воздухе.

Сидя в кабине, Вазик повернулся к Вусу:

– Про Фигра придется забыть. И не вспоминать, даже если будут спрашивать, – он положил руку на рукав драной Вусовой куфайки и ласково погладил вылезшую вату, отчего у Вуса стала покрываться гусиной кожей спина. – Придурка в кузове постерегите, чтоб никому не болтал. И забудьте дорогу к поездам – френовый вид спорта. – Он снова погладил вату, и теперь даже Косой заерзал:

– Мы тут на работе!

– Мне жаль, что вы в убытке. Думаю, пока хватит, – он выложил из кейса в бардачок машины три пачки. – Есть более конструктивные способы препровождения времени. Так помнится, Вус, вы наставляли нас на путь истинный, – Вазик засмеялся. – Вылезу здесь. До скорого.

Косой молча тронул машину, потом спросил:

– Ты что-нибудь понял?

– Угу. Вляпались.

– Мягко сказано. Ты заметил, как твой ученик смотрит? Будто прицеливается. До тех пор, пока Побабыч не разбогател, киллером работал. Лучший в Области. Раньше сказали бы: «Лучший по профессии». Кучу народа положил. А послать подальше?

– Киллера? Ха!

– Думаешь?

– Уверен!

– Ты крышу спрашивал? Ты ее получил. Сколько там?

– Тридцать кусков.

– Два месяца работы. Похоже на удачу, а не радостно. Хрустевы забирай. Будешь отдавать потихоньку. Посмотри сегодня Фанфунг, подумай: не может быть, чтоб такая умная техника годилась только пьяного Хрустя развлекать. Чует мой нос громадную пользу в этой машинке. И Хрустя посторожи, чтоб сабантуй не устроил, а я вечером подъеду. Подумаем, как дальше жить, – не доезжая ворот, Косой остановил фургон.

– Эй, Хрусть, вылезай да захвати арбуз самый большой для крестника! Черт бы побрал эти цыганские поездки!

Заботы «верхних»

*Как только на ровном месте появляется достойная шишка,
мгновенно вскакивают рядом энергичные прыщи, готовые активно
проводить политику шишки*

Наблюдая жизнь

Беда не приходит одна. Одна Беда и не уходит.

Народная мудрость

На девятом этаже «Высотки на Гниловском», в Столице, в штаб-квартире Оффозиции, в отделанном красным деревом зале презентаций, в окружении многочисленной группы соратников-сподвижников-братьев по оружию-сопартийцев-клеветников-собутельников кричал, плакал, рвал на себе волосы, топал ногами, брызгал слюной, исходил гневом, изливался потоками брани и просто бессвязными выкриками лидер Партии Любителей Народа, занявший этот пост после бегства Фугайлы и Фуборгского, господин Фузанский.

Сопли и сезы, разлетаясь на несколько метров вокруг, попадали на лица и костюмы товарищей по партии, но никто не осмеливался уклониться или обтереться.

– Козлы... Олухи... Сволочи... С кем работать? Я спрашиваю, где фанфунг? Миллион ф. у. е. (Ф.у.е. – фуфельная условная единица – эквивалент вакса) за доставку и подмазку псу под хвост. Дебилы! Какому придурку пришла в пустую башку отвратная идея замаскировать контейнер под кучу конского дерьма?

Какой идиот не знал, что навоз в Фуфлянии – второй хлеб, на нем выросли целые поколения аборигенов, туземцев и просто местных жителей, а конское – это еще и ностальгия по славным революционным временам Фуденного и Форошилова (Люди-легенды. Слышишь имя – чувствуешь запах).

Когда эти голубые из правительства, которых не трахай, только дай покрасоваться на экране (поболтать о любви к народу, засветиться, самовыразиться, просто выразиться), готовы сами рассказать мне свои секреты, вы теряете Фанфунг. Что вы скажете на это? Что ты скажешь на это? – отдельно отнесся Фузанский к своему заму по финансам, в толстых роговых очках и в сером костюме «От Футюр», Флегонтьеву. – Ты, ты, недоносок, дебил, придурок, валет и тормоз! – он схватил его за лацканы и начал трясти.

Зам по финансам посерел, потерял равновесие, но партийная дисциплина взяла верх над сердечным недугом, а страх перед обвинением в «уклонизме» вернул телу вертикальное положение:

– Это еще не все, шеф, – пробормотал он сквозь зубовную дрожь.

– Что? Что – не все? Гад, кретин, сука!.. (по этическим соображениям автор не приводит в полном объеме всю богатую и разнообразную лексику фолитического Лидера) Ботаник очкастый. Ты хочешь, чтоб я тебя поймел в трех позах: в очках, в очко и без очков? Ну?

– Фигр. Они украли символ нашей Партии, – Флегонтьев уронил голову и расслабился. Весь вид его говорил: «Я выполнил свой партийный долг, а вы делайте, что считаете нужным».

Вторая неприятность подряд не взвинтила, а успокоила Лидера, вернула ему способность соображать и действовать. Фузанский обвел глазами лица фолитических подельников, потянул носом и напрягся, ощутив запахи измены и предательства:

– Где исчез Символ?

– Там же, где и Фанфунг.

– Я спрашиваю: «Где»?

– На Фурале...

Это была третья и самая неприятная новость: ни для кого не было секретом, что именно в тех местах скрываются Фуборский и Фугайло – его главные соперники-лучшие враги-заклятые друзья. Имея в руках неограниченные финансы, захватив Фанфунг и Символ Партии – Сумчатого Фигра, они могли стать во главе оффозиции, заткнуть деньгами рты соперников, фурналистов, снова прийти к власти и тогда карьера, а, возможно, и жизнь Фузанского попадали под большой вопрос. Для предательства почва, замечательно удобренная, имелась. В ушах лидера явственно застучали колеса отходящего поезда.

Ростом Фузанский был невелик. Ни толст, ни худ, с лицом, отчасти, феврейским. В его груди билось сердце настоящего Фолитика: чем труднее оказывалась ситуация, тем более мобилизовался Фузанский на ее разрешение: «А дальше давай попробуем не ошибаться».

Сейчас его мозг работал почище иного компьютерного Финдовса, просчитывая опасность для партии и себя, выявляя противников и союзников, определяя последовательность действий, выбирая алгоритм решения проблемы.

Ощупывая цепким взглядом лица соратников, которые, услышав новости, сами сравнивали возможности своего лидера с возможностями Фуборского и Фугайлы, он убедился, что действительно преданных у него «раз-два и обчелся, три-четыре и объелся, пять-шесть и обо... Хреново, блин». Их и пригласил в кабинет. Медлить не приходилось. ЦУ, точнее, ОЦУ – особо ценные указания – полились на головы приближенных:

– Можно предположить, что Фанфунг и Фигр в руках моих врагов, но точно этого не знаем ни мы, ни эти шестерки за дверью, поэтому некоторое время можно рассчитывать на их лояльность. Долго так не продлиться: многие уже поджали хвосты (наклали в штаны, наострили лыжи, нагладили шнурки, насандалили носы, приготовились бежать). Скоты, ублюдки поносные!

– Будем действовать быстро, решительно, а, главное, наступательно. Первое: активизировать избирательную кампанию – обещать народу все: шахматистам шахматы в упаковке, бабам клевых мужиков, пенсионерам пенсию по полной тарелке, пионерам ненадежные галстуки, горны и барабаны, наркоманам наркотики от пуза, рыбакам бамбуковые удочки, солдатам автоматы с полными магазинами. Электорат должен быть мой.

– Второе: две группы ребят на Фурал. Найти тех мерзавцев и грохнуть. В контакт не вступать, дебаты не устраивать, водки не жрать, друг с другом не собачиться. И чтоб не получилось, как с тем рыжим сморчком. Действуйте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.